Матвеева Анастасия Андреевна

МОДЕРНИЗАЦИЯ И КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2011/6/11.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (49). С. 31-34. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2011/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Деятельности церковно-приходских школ посвящен целый ряд статей «Архангельских епархиальных ведомостей». В центре внимания находятся вопросы обустройства школ, подготовки учителей, методики обучения. Ежегодно публикуются отчеты о деятельности школ, финансировании и расходовании выделенных денежных средств, обеспеченности учебной литературой, количестве учащихся, а также публикуются результаты экзаменов. Из этих отчетов видно, что количество учеников в церковно-приходских школах для саамов небольшое, а обеспечение школ довольно скромное. Школы располагались в непригодных для занятий помещениях. Все это сказывалось и на количестве учащихся и на низком качестве образования. Дальнейшие успехи в распространении просвещения среди саамов связаны с деятельностью советской власти в области национальных культур, известной как «политика коренизации».

Христианизация российских саамов, несомненно, была явлением политическим и представляла собой модель национальной политики России в период складывания национального государства. До XIX века в России не существовало иной политической доктрины относительно «инородческого» населения, нежели распространение православия. Христианизация представляла собой достаточно динамичное явление, меняющееся в зависимости от внутриполитических обстоятельств, а также роли церкви в государстве. На первом этапе, распространение новой религии среди саамов является делом добровольным, подвижническим. К XVI веку уже стал явным экономический интерес церкви и государства в вопросе о саамских территориях: увеличение вотчин и количества тяглового населения. Политически нестабильные XVII и XVIII века не привнесли какого-либо изменения в характер христианизации. С другой стороны, экономическая мощь церкви и ее политический вес в государстве значительно снизился в этот период, а значит, она не располагала ресурсами для проведения планомерной христианизации среди «неправославного» населения. Темпы распространения христианства среди саамов снижаются. Кроме того, не проводится планомерной работы по утверждению в вере, принявших крещение. Все это способствовало тому, что саамские верования и культура с небольшими изменениями сохранились вплоть до XIX века [8, с. 329-339].

В XIX веке в Российской империи появляется первая этнополитическая доктрина - теория официальной народности, которая закрепляет приоритет русской культуры и православной религии в Российской империи. Для «не православных» народов это означает выбор власти в пользу ассимиляции, как метода интеграции этих народов в состав империи. Особенно сильно ассимиляционные процессы проявляются на территориях с языческим населением, в том числе и на саамской земле. Теперь задачи ассимиляции исполняются церковно-приходскими школами, которые начинают заниматься одновременным распространением грамотности и христианской религии.

Список литературы

1. **Атлас Архангельской Епархии в 30-ти картах.** Архангельск, 1890. 32 с.
2. **Козьмин Н.** Распространение христианства среди русских лопарей // Архангельские Епархиальные Ведомости. 1900. № 2. С. 44-52.
3. **Там же.** № 3. С. 68-75.
4. **Там же.** № 4. С. 101-107.
5. **Там же.** № 5. С. 112-123.
6. **Там же.** № 8. С. 149-152.
7. **Там же.** № 10. С. 265-271.
8. **Там же**. № 12-13. С. 329-339.
9. **Пятнадцатилетие «Архангельских епархиальных ведомостей»** // Архангельские епархиальные ведомости. 1903. № 1. С. 20-22.
10. **Третьякова Ю. П.** Лопарское население во второй половине XIX века (по публикациям «Архангельских губернских ведомостей» и архивным материалам) // Живущие на Севере: опыт и прогнозы / науч. ред. П. В. Федоров. Мурманск: МПГУ, 2008. С. 35-42.
11. **Шестаков П. Д.** Просветители лопарей архимандрит Феодорит и св. Трифон Печенгский // Журнал министерства народного просвещения. 1868. Ч. 139. С. 242-296.
12. **Post-Colonial Studies Reader** / ed. B. Ashcroft. L.: Routledge, 2006. 526 p.

УДК 1(091)

Анастасия Андреевна Матвеева
Томский государственный университет

МОДЕРНИЗАЦИЯ И КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС©

Данная работа посвящена политическому дискурсу консервативной идеологии. Представляется актуальной попытка выяснить, проявляются ли тенденции модернизации в консервативной идеологии на дискурсивном уровне и с чем это связано?

© Матвеева А. А., 2011

В XX веке философская мысль обращается к проблеме языка. Структурная лингвистика так сильно изменила представления о формах и способах человеческого мышления, что языковые проблемы выдвинулись на первый план и начали пронизывать все сферы мыслительной деятельности человека. Политическая сфера не стала исключением.

Поскольку структурная лингвистика это совокупность воззрений на язык и методов его исследования, в основе которых лежит понимание языка упорядоченной от простейших до сложных уровней системы знаков, а источника его способности обозначать и выражать нечто - только во взаимосвязи каждого элемента с другими, включенности элементов в определенную систему отношений. То благодаря этому структурно-лингвистический подход применительно к политической философии плодотворен для анализа феномена власти. Властные отношения интересовали философию на протяжении всей ее истории, т.к. именно понятие власти является одной из главных характеристик политического. С точки зрения структурализма властные отношения закреплены в языке. Любое предложение, любая грамматическая конструкция, любой язык есть не что иное как структура властных отношений. Получается, что грамматическая структура предложения есть сама по себе образ власти. В ней всегда есть подлежащее, которое может быть рассмотрено как «суверен», хранитель или представитель «властной инстанции», сказуемое, которое может представлять собой действие, исходящее из «суверенного» подлежащего или его состояния. Кроме того в распространенной грамматической конструкции имеются еще и «объекты власти» или «подданные суверена», на которые распространяется власть (действие) подлежащего через сказуемое - это всевозможные дополнения, наречия и пр. Таким образом, любое предложение представляет собой организацию иерархических отношений, а это свидетельствует о том, что любое предложение, воспроизводимое нами, воссоздает, утверждает, закрепляет и структурирует властные функции. Следовательно, стихия языка и стихия власти - это функционально явления одного порядка. Власть не только осуществляет себя через язык, но и организует сам язык, определяет его структуру, отображает себя в нем. Как отмечает Р. Барт «объектом, в котором от начала времен гнездится власть, является сама языковая деятельность, или, точнее, ее обязательное выражение - язык» [1, с. 548]. Языковая деятельность подобная законодательной деятельности и именно язык является ее кодом. Говорение и рассуждение не безоговорочное свидетельство вступления субъекта в коммуникативный акт, зато это бесспорное доказательство подчинения себе слушающего: весь язык целиком есть общеобязательная форма принуждения.

Когда человек пересекает границу сферы индивидуального и попадает в сферу общественного, он автоматически оказывается в пространстве языка и пространстве иерархических (властных) отношений. Поскольку человек с рождения вовлечен в языковую среду, это граница условна и размыта. Учась произносить первые слова и фразы, ребенок включается в структуры власти: в каждом правильно составленном и правильно понятом, расшифрованном предложении заложен сценарий управления, подчинения, иерархии, неравенства.

Прямая связь языка и власти, дает нам возможность говорить о существовании «политического языка». Конечно, любой язык несет в себе элементы политического и идеологического, так как распределение властных функций в нем отражают (прямо или косвенно) глубинные политические и идеологические установки соответствующих культур. Однако политические элементы в обыденном языке достаточно глубоко зашифрованы. Политический язык как таковой обозначает не просто влияние политического на речь, это есть всегда и везде, но особое направление в явлении политического, которое отвечает за организацию высказываний, соответствующих конкретному политическому направлению, его идеологии. Это, в большинстве своем, искусственный, технически созданный язык, предназначенный для конкретных целей и призванный закрепить в обществе некоторые наиболее важные принципы, смысловые, ценностные, культурные установки. Как правило, политический язык влияет на естественный (обыденный) язык, создает систему социальных кодов, программирует систему индивидуального и группового поведения, воспитывает людей в определенной ценностной системе, может распределять моральные приоритеты и ставить цели.

В идеологическом срезе политического языка, сосредоточены наиболее общие и основополагающие элементы конкретной политической системы. Под идеологией вслед за современным исследователем У. Эко, мы будем понимать: «все то, с чем так или иначе знаком адресат и та социальная группа, которой он принадлежит, системы его психологических ожиданий, все его интеллектуальные навыки, жизненный опыт, нравственные принципы» [3, с. 108]. Идеология представляет грамматику и морфологию политического языка, содержит в явном виде свод принципов и правил, в соответствии с которыми строится политическая речь. Мы опознаем идеологию как таковую, когда, социализируясь, она превращается в код. С точки зрения У. Эко идеология не ограничивается областью значений, претворяясь в знаки, идеология формирует область значений, набор определенных означаемых, соответствующих тем или иным означающим. Именно она задает последнюю, окончательную, исчерпывающую форму всей совокупности коннотаций, т.е. «идеология есть последняя коннотация всей совокупности коннотаций, связанных как с самим знаком, так и с контекстом его употребления» [Там же, с. 111].

С нашей точки зрения именно идеология предоставляет словарь технических терминов, призванный описывать предлагаемые политические взгляды и их устройство. Именно политическая идеология подает себя в качестве универсальной инстанции, отталкиваясь от которой можно вывести любое суждение по любому поводу. Хотя стоит отметить, что идеология выполняет функции языка для тех, кто ее разделяет, полностью с ней солидарен и согласен выстраивать дискурс по ее законам. Для тех же, кто оспаривает ее правомочность, она не больше чем предложения, требующие анализа, подлежащая дополнительному истолкованию и дешифровке (но дешифровка идеологии должна вестись на ином языке, нежели политический язык данной идеологии).

Так как выше было сказано, что политический дискурс ярче всего выражен в политическом языке, а тот в свою очередь в идеологии, то мы проанализируем основные идеологические установки консерватизма на предмет их подверженности тенденциям модернизации. Политический язык консервативной идеологии содержит структуры консервативной социально-политической философии, которая и служит базовой структурой для построения консервативного политического дискурса. В качестве основных элементов, на которых строится этот язык, можно выделить следующие принципы.

Примат традиции над всеми остальными общественными отношениями человека.

Приоритет общего над индивидуальным на всех уровнях социальных отношений. Органический характер устройства общества.

Интеграционный потенциал религии как некоего высшего хранителя культурных, социальных и политических ценностей.

Национальное государство как основа представления консервативной идеологии о модели государства.

Эти тезисы являются базовыми аксиомами - грамматическими правилами языка консервативной идеологии. Все они подразумеваются сторонниками консерватизма, как элементы, к которым обращаются как к бесспорным аргументам.

Отметим, что настоящая статья имеет обзорный характер, поэтому мы не ставим целью проведение подробного анализа базовых консервативных идеологем, а перейдем сразу к рассмотрению влияния на них тенденций модернизации.

Мы будем понимать модернизацию в широком смысле этого слова «как некий перманентный процесс, осуществляющийся посредством проведения реформ и инноваций, что сегодня означает переход к постиндустриальному обществу» [4]. Как отмечает С. Гавров в своей книге «Модернизация России: постимперский транзит», во второй половине прошлого века процессы модернизации приобрели глобальный характер. Модернизация предшествующей эпохи породила глобализацию. Глобализация становится источником и ресурсом модернизации, инициируя кардинальные изменения жизненного мира, в которых западные общества были первопроходцами. Это длительный, исторический процесс, включающий в себя ряд определяющих элементов культурной и общечеловеческой эмансипации.

Современные социальные образования - открытые системы, подверженные влияниям извне, консервативная идеология не стала здесь исключением. Конечно, консерватизм в основных своих идеях и ценностях остался верен себе и его базовые установки остаются неизменными, но тенденции глобализации, внесли некоторые изменения в структуру консервативного языка, посредствам которого описываются взгляды данной идеологии.

Основа консервативной идеологии - традиционализм, именно традиция управляет всеми социальными взаимоотношениями человека. В современном мире такой взгляд на традицию является достаточно устаревшим для того, чтобы быть созвучным реальной действительности. Консерваторы начинают говорить о традиции не как о чем-то закостенелом и беспрекословно требующим подчинения, а как о постоянно изменяющемся, становящемся явлении (процессе). Модернизационные тенденции превращают традицию в подвижный, вариативный корпус человеческого опыта, знания, главным смыслом которой становится идея преемственности, адаптации и укоренения человека в быстро меняющимся социальном мире. Она служит аккумулятором социального опыта, причем не только механически накапливает ценности, а еще и преобразует и воспроизводит их. Рассмотрение традиции с позиций модернизации, позволяет сохранить ее жизнеспособность в современной действительности.

Идея национального суверенного государства является основой этатистской составляющей консервативной идеологии. В традиционалистском варианте государство - это то, без чего невозможно осуществить ни порядок, ни справедливость, ни внешнюю безопасность, ни внутреннюю солидарность. Государство включает в себя высшую законность и является защитником свободомыслия. Оно важнейший инструмент политики, оно не пренебрегает ни чем, что укрепляет стабильность общества. Такое представление о государстве, не может быть жизнеспособным в условиях политической модернизации и тенденций глобализации. Поэтому консервативный дискурс оставляя идею национального суверенного государства, изменяет идеологическую оболочку ее позиционирования. Надо отметить, что тенденции модернизации сильнее всего проникли именно в данный базовый элемент консерватизма. Это проявляется в том, что современная консервативная идеология уже говорит о государстве не как о примате над всеми сферами человеческих отношений, а как об эффективном менеджере, выполняющем роль социального гаранта. Нация в современных условиях рассматривается ни как коренное народонаселение конкретной территории, а как культурный конструкт, который может объединять в себе сколько угодно народностей, но иметь одни культурные, исторические, нравственные традиции, хранителем и защитником, которых и является государство.

Модернизация коснулась и представления консерваторов о суверенитете государства, теперь суверенитет государства лишен абсолютного статуса и превращается в «реальный суверенитет», т.е. способность государства на деле (а не декларативно) самостоятельно проводить свою внутреннюю, внешнюю и оборонительную политику, заключать и расторгать договоры, вступать или не вступать в отношения стратегического партнерства и т.п.

Без сомнения модернизация оказывает огромное влияние на изменение политического дискурса консервативной идеологии, конечно в основном это влияние не несет кардинальных изменений идеологического ядра, но зато существенно меняет политический язык. Так как именно язык является проводником идеологии в массы, именно он завоевывает голоса электората. И именно он является той «лакмусовой бумажкой», по которой можно отслеживать дискурсивные изменения любой идеологической системы, особенно консервативной.

Список литературы

1. **Барт Р.** Избранные работы: семиотика, поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. **Гаваров С.** Модернизация России: постимперский транзит [Электронный ресурс]. URL: http://www.bibliotekar.ru/gavrov-3/index.htm (дата обращения: 29.04.2011).
3. **Эко Умберто.** Отсутствующая структура: введение в семиологию. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с.

УДК 343.71

Екатерина Геннадьевна Мухортова
Тамбовский государственный технический университет

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КРАЖИ И ЕЕ ПРИЗНАКОВ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ©

Собственность - важнейшее экономическое материальное отношение, имеющее исключительное значение в жизнедеятельности граждан, общества, государства.

Гражданский кодекс РФ в ст. 213, 214 и 215 выделяет следующие формы собственности и соответственно право на нее: 1) собственность граждан и юридических лиц (кроме государственных и муниципальных предприятий и учреждений, финансируемых собственником); 2) государственную собственность (федеральную собственность и собственность субъектов РФ) и 3) муниципальную собственность, т.е. имущество, принадлежащее на праве собственности городским и сельским поселениям, а также другим муниципальным образованиям. Все формы собственности с точки зрения их юридической защиты являются равноценными и подлежат одинаковой охране нормами уголовного законодательства. Это принципиально важное для уголовного права положение опирается не только на нормы ГК РФ, но и на прямое указание ч. 2 ст. 8 Конституции РФ: «В Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности».

Примечание к ст. 158 УК, формулируя общее понятие хищения, прежде всего, говорит об изъятии и (или) обращении «чужого имущества» и тем самым определяет его как определенный предмет материального мира, как вещь, обладающую некими натуральными физическими параметрами (числом, количеством, весом, объемом и т.д.), иными словами, вещными свойствами. Таким образом, понятие кражи связано с понятием хищение собственности. Объективный критерий оценки способа хищения как тайного или, напротив, открытого состоит в отношении к совершаемому хищению собственника или владельца, которому первый передал имущество, а также других лиц в осознании им или отсутствии сознания того факта, что виновным совершается противоправное изъятие чужого, не принадлежащего ему имущества. Здесь возможно несколько вариантов признания хищения тайным, руководствуясь объективным критерием оценки способа его совершения. Первый из них, наиболее часто встречающийся на практике, это когда кража совершается при полном отсутствии очевидцев, например из неохраняемого склада, оптовой базы товарно-материальных ценностей в ночное время, из квартиры, в которую вор, взломав замок, проник в отсутствие ее хозяев и т.д. Второй вариант связан с похищением имущества хотя и в присутствии собственника или других лиц, но незаметно, скрытно от них, когда они не наблюдают и не осознают факта противоправного завладения ценностями, например карманные кражи или кражи из сумок, ручной клади и т.п. В подобных случаях кража нередко ошибочно признается открытым хищением имущества, т.е. грабежом.

Субъективный критерий заключается в намерении самого расхитителя действовать тайно от всех не причастных к преступлению лиц, его внутреннем убеждении, что изъятие имущества из владения собственника совершается незаметно, скрытно как для последнего, так и посторонних граждан. Субъективное убеждение лица о том, что совершаемое им хищение незаметно, скрыто от посторонних лиц, должно основываться на определенных объективных фактах, соответствующих реальной ситуации события преступления. Они могут быть самыми разнообразными: полное отсутствие в месте совершения преступления каких-либо лиц, сон сторожа охраняемого объекта, временная отлучка работника, в распоряжение или под охрану которого передано имущество, передача последнего под присмотр собеседнику, оказавшемуся вором, без наделения его теми или иными правомочиями в отношении оставляемых на время вещей, и т.д. По этим соображениям, если расхититель субъективно убежден, исходя из реальной обстановки совершения преступления, что он действует тайно, незаметно от других лиц, но фактически кто-то наблюдает за процессом изъятия имущества (например, житель соседнего дома из окна своей квартиры обозревает событие изъятия чужого имущества, о чем преступник не знает и не предполагает), содеянное образует состав кражи.

Если вор обнаружил, что его действия по изъятию чужого имущества стали известны третьим лицам и что они осознают их преступный характер, прекращает посягательство и скрывается с места совершения преступления, содеянное образует покушение на кражу, квалифицируемую по ст. 30 и соответствующей части ст. 158 УК. При тех же объективных и субъективных обстоятельствах вор, игнорируя факт обнаружения

© Мухортова Е. Г., 2011